
ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ В ОЦЕНКЕ ЖУРНАЛА «СИНТАКСИС»

А.В. Денисенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье характеризуется позиция «Синтаксиса» в решении столь важной (а для эмиграции — болезненно остро воспринимавшейся) проблемы национально-исторической сущности России и ее судеб.

Ключевые слова: журнал «Синтаксис», исторические судьбы России, Восток и Запад, политические и духовные ценности.

Проблемы национально-исторической сущности России и ее судеб оказываются едва ли не самыми важными для тех, кто был оторван от родной земли. Однако оценки и ее прошлого, и в еще большей степени — настоящего, представления о путях ее исторического развития выглядят по-разному (порою — полярно противоположными) у разных групп и группочек, представляющих русскую эмиграцию. Так сказываются различия не только в политических взглядах, но и по другим основаниям.

Еще в 1944 г. Н. Бердяев писал о том, что в «истории человеческой жизни существует две тенденции: к универсализму и к индивидуализации. Национальность есть ступень индивидуализации в отношении к человечеству и объединения в отношении к человеку». По Н. Бердяеву, «самоутверждение национальности может принимать формы национализма, т.е. замкнутости, исключительности, вражды к другим национальностям. Это есть болезнь национальности, она раскрывается особенно в наше время. Национализму хотели противопоставить интернационализм, который есть другая болезнь... есть абстрактное единство, отрицающее национальные индивидуальности». Возможность объять «национальные индивидуальности... в конкретном единстве» открывает, по мнению философа, «универсализм», утверждающий «богатства в жизни национальной» [3. С. 314, 315]. Это давнее суждение замечательного русского философа позволяет понять, где истоки противостояния двух, если укрупнять, лагерей в журналистике (и — шире — в со-

знании русской эмиграции). Один из них был представлен «Синтаксисом», а также журналами «Третья волна», «Время и мы», «Двадцать два», «Трибуна», а другой — «Вестником русского христианского движения», «Континентом», «Новым журналом», «Часовым» и др. Характерно, что конфликт противоборствующих сторон чаще всего принимал форму обвинений в западничестве, русофобстве, антипатриотизме (так выглядела, если обратиться к авторам «ВРХД» или «Континента», позиция «Синтаксиса» и близких ему журналов) и, напротив, — в национализме, ограниченности, шовинизме. При этом странным образом позиции и той и другой стороны, по мнению ее противников, близки собственно советским, а стало быть, категорически неприемлемы. В первых номерах «Синтаксиса» еще можно встретиться с осуждением отмеченного выше противостояния, с желанием избежать в таком споре крайностей. Возражая Л. Бородину, который в журнале «Грани» (№ 96) защищал «русский дух от критики с позиций «иноплеменного взгляда», Л. Ладов писал о том, что в брежневскую эпоху «в какой-то момент стало очевидным, что диссидентское движение носит исключительно *западнический* характер, что подавляющее большинство его участников вдохновляется образом Запада: кто — высоким уровнем тамошнего образа жизни, кто — техническим прогрессом. Эта западная ориентация с неумолимой логикой вела к повальному отрицанию всего советского, а далее — и всего русского вообще. Пожалуй, постепенно выявлялось, что наряду с *нравственной* силой противостояние безнравственной власти, демократическое движение отличается и *нравственной слабостью*, связанной с отсутствием корней, «почвы», подлинной любви к своей земле и своим соотечественникам». Привлекает трезвость взгляда автора «Синтаксиса», не переоценивавшего достоинства платформы, на которой вместе с другими диссидентами стоял журнал. Острота постановки этого вопроса в особенности усиливается для тех, кто предпочел выезд из России борьбе за выход ее на путь демократического развития внутри страны. Впрочем, и Л. Ладов говорил о расколе диссидентства именно по этой причине: «...Нетерпеливые и недостаточно любящие свою страну стали все более склоняться к мысли о бегстве, те же, чей нравственный комплекс включает в себя патриотические установки, начали все более задумываться о необходимости терпеливой, мелочной, полной личных жертв работе над улучшением качества жизни в родной стране, без упования на то, что лучшую жизнь можно импортировать, или выпросить, или вытребовать у властей» [б. С. 22, 23—24].

Спор о «западничестве» и «славянофильстве» возникал и на страницах самого «Синтаксиса», где Л. Ладову в следующем номере журнала возражал А. Амальрик, по мнению которого, диссидентство вовсе не отрицает всего русского, а ведет «к отрицанию взгляда, что деспотизм и рабство есть неотъемлемые черты русских». Нетрудно заметить, что оппонентом Л. Ладова подменяются лежащие в основании спора понятия: место патриотизма занимает деспотизм и рабство, с которыми, вне всякого сомнения, необходимо бороться. Но А. Амальрик безусловно прав, отводя эмиграции важную роль в борьбе за демократические преобразования в родной для эмигрантов стране. «Опыт показал, что не только можно жить в чужой стране, оставаясь верным стране своего рождения, но и что существование

эмиграции необходимо для тех, кто ведет революционную или реформистскую работу внутри страны, как фронту необходим тыл». Как опасный отвергается А. Амальриком созданный уже миф о враждебности диссидентов «национальному духу» [2. С. 69, 71, 72].

Но если это и «миф», то к созданию его приложили руку и авторы «Синтаксиса». Прав А. Синявский, утверждавший, что «предпосылки великодержавного шовинизма, сменившего интернационализм, коренятся в закрытом характере советского государства». Но отсюда следует — думается, вовсе не очевидный — вывод: «Русский патриотизм не всегда сводится к национализму, хотя достаточно часто национализм порождает и таковым питается. Родина для русских порою настолько сверхличное и даже сверхнациональное начало, что переходит иногда в своего рода религиозное чувство... Русский патриотизм нередко граничит с миссионизмом. То есть состоит в том, что Россия несет или призвана нести в мир какую-то высшую идею. Какую именно — не всегда известно. Но непременно — высшую». Обусловленную этим опасность А. Синявский формулирует со всей определенностью: «Русский национализм сегодня чреват насилием; он легко объединяется с самым реакционным крылом советского общества (бюрократия, армия, КГБ) и противостоит не коммунизму, а демократии и Западу» [13. С. 97, 99, 110]. Трудно возразить против того, что для националистов действительно демократия и Запад — понятия тождественные, с чем никак нельзя согласиться. Но у А. Синявского патриотизм именуется шовинизмом, и это тоже — явная передержка. Чем, кстати, воспользовались (услышав переданную по радио «Свобода» текст его статьи) выступавшие в качестве идеологов русского национализма В. Аксюциц, Г. Анищенко, священник Д. Дудко, В. Сендеров, В. Тростников и, как это ни странно, в свое время подвергавшийся наказанию за инакомыслие Ф. Светов. С гневным осуждением А. Синявского, чье, по их словам, отношение «к русскому народу крайне негативно», они обратились... в Конгресс США, в Совет международного вещания США: эти и подобные выступления, по их словам, «способствуют разжиганию межнациональной розни, которая сегодня представляет собою серьезную угрозу процессу эволюционных изменений внутри страны и мирному сосуществованию всех народов земли» [1. С. 213].

Столь суровых обвинений А. Синявский явно не заслуживал, хотя справедливости ради нужно заметить, что охотно — и часто — провоцировал оппонентов на резкие выпады в свой адрес. И представления о патриотизме у него были иными, нежели у тех, кто обвинял его и редактируемый им журнал в «богоборчестве и русофобстве» (Б. Михайлов). «Тягаться в любви к родине смешно и безнравственно, — пишет он. — Тем более — публично. Кричать о „патриотизме“ меня отучила эпоха позднего Сталина. Тогда нам и начали сверху по приказу партии и лично товарища Сталина внедрять и вбивать в голову этот самый „патриотизм“, вместе с враждою к Западу и к плюралистам — космополитам. Так что стало тошно от штампованных „патриотов“, которые, вполне допускаю, очень и очень любили и любят Россию. Возродить этот штамп сейчас, хоть и под новым соусом, не хочется. Да и разные вещи можно любить в России. Один, допустим, любит крепкую государственную власть, а другой — русскую культуру. Не надо также

путать любовь к России с любовью к самому себе и к собственному величию. И хорошо бы любить еще что-нибудь достойное, помимо России» [12. С. 23]. Слово «патриот» («патриотизм») заключено здесь в иронические кавычки, но лишь потому, что А. Синявский отрицает за кем бы то ни было право на единственно верное его истолкование, неизбежно суживающее это понятие, действительно опошленное произносящимися сверху (властью или просто общепризнанными авторитетами) словами.

Однако появившиеся в «Синтаксисе» материалы могли действительно звучать оскорбительно по отношению к русскому народу. Примером тому может служить статья одного из наиболее авторитетных авторов журнала Г. Померанца «Акафист пошлости». Здесь все народы разделялись на две категории: «...Есть народы сильно перегнанные, поражающие то сияющей высотой, то мерзостью. Это мутанты истории, в них возникают новые духовные движения, но плоды движения пожинаят другие, а сами мутанты теряют равновесие и проваливаются в бездны, которые слишком открыты... Противоречия между народами вне бездны и народами с бездной внутри глубже и фундаментальнее, чем споры диаспоры и земли, Запада и Востока». Вывод обескураживающе суров и столь же бездоказателен: «К мутантам, бесспорно, принадлежит Россия» [8. С. 49—50]. Не столь категорично, но тоже весьма критически оценивал состояние русского сознания и русской культуры и Л. Ржевский: у них, по его мнению, «подростковый характер», что свидетельствует о как бы остановке «в личном развитии людей, этой культуры» [11. С. 20].

Разумеется, так сказывается присущее авторам «Синтаксиса» стремление к заострению мысли, к граничившей с эпатажем парадоксальности. Но дело, конечно же, прежде всего в том, что в споре — а у него многовековая история — Востока и Запада они последовательно отстаивали необходимость ориентации России в ее развитии прежде всего на Запад, на необходимости освоения ею западных ценностей: чаще других возникали при этом слова «демократия», «либерализм», «права человека» и т.п. Не обходилось и без оговорок, которые были призваны способствовать усвоению указанных принципов на русской почве. Так, по мнению Г. Померанца, «русский либерализм должен обрести религиозную глубину. Это уже начиналось — у Н.А. Бердяева, у Г.П. Федотова. Это надо продолжать, отделив поиск святынь от поисков душевного комфорта и национального самооправдания» [9. С. 24].

Позиция «Синтаксиса» характеризуется прежде всего стремлением сгруппировавшихся вокруг журнала авторов разрушить барьер, которым советская страна старательно отгораживалась от тлетворного, как утверждалось официальной пропагандой, воздействия Запада: национальная — в ее русском изводе — идея воспринималась в этих условиях в качестве одной из основополагающих. И это — вопрос из числа главных. «Является ли тот морок, в который вот уже 60 лет погружена страна, прямым следствием определенных черт русского характера, специфики истории страны, или это есть нечто чуждое для России, привнесенное сюда извне — с Запада?» [5. С. 120]. Однозначный ответ на этот вопрос едва ли возможен, и на страницах «Синтаксиса» наиболее последовательно проводится

мысль о благотворности контактов, позволяющих осваивать духовное богатство других народов, выводящих к представлению об общности стоящих перед всеми людьми — перед человечеством! — задач. На этом настаивал Г. Померанц: «Первая задача каждого народа — не его национальная безопасность, а глобальная. Этой цели должно быть подчинено все. И на политическом, и на научном, и на религиозном уровне» [10. С. 112]. Одинаково важен каждый из упомянутых здесь уровней: настаивая на возможности многообразия взглядов и мнений, разноречий в выражении своих представлений о мироустройстве, авторы «Синтаксиса» убеждены в том, что это может служить основанием для споров и дискуссий, но не для раздоров и схваток. И опять-таки важнейшей является задача преодоления изоляционизма, веры в обладание абсолютной истиной, в какой бы форме она ни представлялась. Напоминание о лике Божьем оказывается в этом случае чрезвычайно уместным: «...Выявление пленного света — вряд ли дело тех или других в отдельности. Христос распят в каждом человеческом страдании, но все человеческие страдания, даже насчитанные миллионами жертв, не заменяют и не множат в запас распятие Христа. Они не залог местного возрождения. Пролитая кровь — едина. Как един грех против Слова. Как едина правда». И, развивая эту мысль о единстве человеческого сообщества, утверждаемом верой, именем Всевышнего, автор помещенной в «Синтаксисе» статьи пишет: «Превращение Бога в семейного или национального, просто кивотного божка — та же идеология, которая грозит извращением. Вавилонский язык намок в крови. Но национальная идеология, даже подкрашенная наукой — это было — или религией — тоже бывало — неуклонно стремится к тоталитарности: к захвату Слова Божья» [7. С. 31].

Пристальный интерес к происходящему в России никогда не покидал эмиграцию. Отношение, оценка и процесса ее исторического развития в целом, и отдельных явлений и фактов были, разумеется, разными, но равнодушия в этом случае не было. Весьма однозначно оценивалась тоталитарная система и присущая ей коммунистическая (марксистско-ленинская) идеология. Однако и в этом случае дело не ограничивалось их неприятием, резкой критикой: на страницах «Синтаксиса» можно встретить с попытками понять, чем обеспечивается реальная сила — а сомневаться в этом не приходилось — лежащей в их основании марксистской теории исторического развития. Но еще — со стремлением понять, почему столь мучительно трудным — и затыжным — оказывается для России переход к более высоким и подлинно гуманным формам общественного устройства.

Начавшуюся в стране в середине 1980-х гг. перестройку в «Синтаксисе» восприняли со сдержанным оптимизмом, стремясь разглядеть в ней приметы перемен к лучшему, переход от тоталитарного строя к подлинно демократическому государственному устройству. Прежняя конфронтация с теми, кто представлял господствовавшую в стране систему — политическую, экономическую, общественную — сменяется теперь желанием вступить с ними в диалог, найти точки, позволявшие надеяться на сближение позиций, на выход к тому, что, с легкой руки М. Горбачева, именовалось консенсусом. Редактор журнала «Страна и мир» К. Любарский заявлял на страницах «Синтаксиса» об оказании тем, с чьими именами связывалось представление о перестройке, приметы обновления жизни, «кредита доверия».

Однако слишком многое свидетельствовало о половинчатом характере происходивших в стране реформ. По мере развития перестроечных процессов для авторов «Синтаксиса» все яснее становилось, сколь опасно все сильнее обнаруживавшее себя стремление предпочесть постепенному переходу к новым формам жизни коренную смену решительно всех ценностных ориентиров. К бережному отношению к строительству здания демократии призывает А. Синявский: «Без кровопролития, без гражданской войны, апеллируя не к эмоциям, а прежде всего к простому здравому смыслу, который, по счастью, тоже присущ людям» [13. С. 191].

По мере развития перестройки умеренный оптимизм по отношению к ней сменяется все возрастающим скептицизмом. По мнению авторов журнала, и в этом случае все дело сводится, как это было не раз, к смене декораций — лозунгов, призывов, наименований: суть же существовавшей в стране системы изменяется очень мало. «Реставрация коммунистических способов управления страной. При одновременном отказе от марксизма-ленинизма, — так характеризуются здесь перестроечные процессы — история повторяется. Пока что как фарс. Однако вскоре она может повториться как трагедия» [4. С. 40, 43].

Последовавшие затем события послужили для авторов «Синтаксиса» подтверждением их самых худших прогнозов: демократия, были убеждены они, терпит поражение, когда пытается — как это было в октябре 1993 г. — утвердить свое превосходство с помощью силы, не останавливаясь перед кровопролитием.

По мере укрепления возглавляемой Ельциным власти позиция «Синтаксиса» по отношению к ней (здесь, впрочем, предпочитали говорить о *режиме*) становилась все более жесткой. «Победа ценой такой крови, — говорилось в статье А. Синявского об октябрьских событиях в Москве, — преступление победителя» [15. С. 199].

Дискуссии о том, какая модель исторического развития более всего способствует движению России к светлому будущему, не утихают и по сей день, но крайности в этом случае остаются уделом маленьких группочек и их периодических изданий. Но как бы то ни было, спор об исторических судьбах России, о путях и направлениях ее сегодняшнего и завтрашнего развития, который велся на страницах «Синтаксиса» и других журналов русского зарубежья, может и даже должен восприниматься без предвзятости, свойственной советским временам, когда каждый звучащий *там* голос объявлялся враждебным. Запад или Восток, национальное или универсальное, демократия или авторитарная власть — в решение этих и других столь же важных проблем издававшиеся за рубежом русские журналы — в том числе «Синтаксис» — внесли свой немалый вклад.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аксючич В., Анищенко Г., священник Д. Дудко, Светов Ф, Сендеров В., Тростников В.* В Конгресс США. В Совет международного вещания США // Синтаксис. — 1989. [*Aksjuchic V., Anishhenko G., svjashhennik D. Dudko, Svetov F, Senderov V., Trostnikov V.* V Kongress SShA. V Sovet mezhdunarodnogo veshanija SShA // Sintaksis. — 1989.]

- [2] *Амальрик А.* Несколько мыслей о России, спровоцированных статьей Л. Ладова // Синтаксис. — 1978. — № 2. [*Amal'rik A.* Neskol'ko myslej o Rossii, sprovocirovannyh stat'ej L. Ladova // Sintaksis. — 1978. — № 2.]
- [3] *Бердяев Н.* Судьба России. — М., 1990. [*Berdjaev N.* Sud'ba Rossii. — М., 1990.]
- [4] *Вишневская Ю.* Эпоха больших переименований // Синтаксис. — 1992. — № 32. [*Vishnevskaja U.* Epoha bol'shih pereimenovanij // Sintaksis. — 1992. — № 32.]
- [5] *Голомшток И.* Феномен Глазунова // Синтаксис. — 1979. — № 4. [*Golomshtok I.* Fenomen Glazunova // Sintaksis. — 1979. — № 4.]
- [6] *Ладов Л.* Несколько мыслей о России, спровоцированных современными «славянофилами» // Синтаксис. — 1978. — № 2. [*Ladov L.* Neskol'ko myslej o Rossii, sprovocirovannyh sovremennymi «slavjanofilami» // Sintaksis. — 1978. — № 2.]
- [7] *Мартинез Л.* За мир и счастье // Синтаксис. — 1969. — № 8. [*Martinez L.* Za mir i schast'e // Sintaksis. — 1969. — № 8.]
- [8] *Померанц Г.* Акафист пошлости // Синтаксис. — 1984. — № 12. [*Pomeranc G.* Akafist poshlosti // Sintaksis. — 1984. — № 12.]
- [9] *Померанц Г.* В поисках святыни // Синтаксис. — 1990. — № 27. [*Pomeranc G.* V poiskah svjatyni // Sintaksis. — 1990. — № 27.]
- [10] *Померанц Г.* Вопль к богу // Синтаксис. — 1992. — № 32. [*Pomeranc G.* Vopl' k bogu // Sintaksis. — 1992. — № 32.]
- [11] *Ржевский Л.* Коммунизм — это молодость мира // Синтаксис. — 1987. — № 17. [*Rzhevskij L.* Kommunizm — jeto molodost' mira // Sintaksis. — 1987. — № 17.]
- [12] *Синявский А.* Ответы на вопросы газеты «Монд» (По поводу выхода книги А. Солженицына «Наши плюралисты» по-французски) // Трибуна. — Нью-Йорк, 1984. — № 5. — январь. [*Sinjavskij A.* Otvety na voprosy gazety «Mond» (Po povodu vyhoda knigi A. Solzhenicyna «Nashi pljuralisty» po-francuzski) // Tribuna. — N'ju-Jork, 1984. — № 5. — janvar'.
- [13] *Синявский А.* Русский национализм. // Синтаксис. — 1989. — № 26. [*Sinjavskij A.* Russkij nacionalizm // Sintaksis. — 1989. — № 26.]
- [14] *Синявский А.* Интервью итальянскому журналу «Экспресс» // Синтаксис. — 1991. — № 31. [*Sinjavskij A.* Interv'ju ital'janskomu zhurnalu «Ekspress» // Sintaksis. — 1991. — № 31.]
- [15] *Синявский А.* Так начиналась советская власть // Синтаксис. — 1994. — № 34. [*Sinjavskij A.* Tak nachinalas' sovetskaja vlast' // Sintaksis. — 1994. — № 34.]

HISTORICAL FATE OF RUSSIA IN THE JOURNAL “SYNTAX”

A.V. Denisenko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article shows the approach to an important typical problem (particularly for the emigration) of national and historical essence and fate in the journal “Syntax” and ways of solving it.

Key words: “Syntax” journal, Russia’s historical fate, West and East, political and spiritual values.